

Наталия
Ломовская

СЕКРЕТ СТАРИННОГО МЕДАЛЬОНА

НОВЫЙ АМУЛЕТ

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!
Читай внутри условия акции-2011!

Наталия Ломовская
Секрет старинного медальона
Серия «Любовный амулет»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=658505
Секрет старинного медальона: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-51205-8

Аннотация

Дмитрий не знал, что такое боль. Счастливчик, золотой мальчик, он жил, повинаясь судьбе и не подозревая, что опасность уже стоит за его плечом. Незамысловатый медальон в форме сердца, на крышке которого – целующиеся голубки, несет в себе страшную тайну, которая перевернет всю жизнь Дмитрия. Но разве можно предчувствовать беду, когда ты молод и отчаянно влюблен?!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталия Ломовская

Секрет старинного медальона

Глава 1

Ее глаза остались широко открытыми, в них отражался яркий электрический свет. В каждом зрачке – по матово-розовому, светящемуся шару. Она любила розовый свет – он делал ее моложе. Или ей так казалось. Невинный, кокетливый обман. Но теперь он не срабатал. В розовой воде, в розовом свете, в розовой ванне, в окружении розоватых зеркал, забрызганных ярко-алым, уже темнеющим, она не выглядит моложе. Мертвая кукла Барби, лишенная макияжа и розовых тряпиц. Виски синие, нос – желтый. Раньше на шее у нее всегда висел тяжелый старинный медальон в форме сердца. На крышке голуби соприкасаются клювами, у одного рубиновый глазок, у другого выпал, потерялся. На исподе выгравирована надпись: «Люби меня, как я тебя». Цепочка тяжелая, звенья в форме кофейных зерен. Теперь медальон лежит рядом на краю ванны, а напряженно вытянутая шея украшена только перекрученными венами. Из них вытекла вся кровь. Ее кровь летит теперь в потоке мутной подземной реки, в общем грязном потоке. А здесь – еще тепло, и тихо, и светло, и пахнет изысканными духами, и стопка толстых белоснежных полотенец на плетеном сундучке, и стебли тропических цветов. Роскошная ванная комната, которой так не идет покойница. Потерпи. Кровь уже ушла, скоро унесут и тело, и пленный дух несчастной самоубийцы канет в адскую бездну. Что ее там ждет? Дело-то известное. Едкий запах серы уже щекочет мозг.

Нет, это не сера. Это нашатырь. Доктор сует ему под нос ватку, источающую острый нашатырный дух. Каким-то образом Лавров оказался уже в гостиной на бледно-фисташковом диване.

– Давайте, молодой человек, приходите в себя. Вы ей кто? Сын?

У врача жесткий голос и холодные пальцы. Он вынужден быть суровым. Ему нужно привести в порядок парня. В прихожей уже топчутся и кашляют. Милиция приехала.

«Да-да, я в норме».

– Муж, – говорит Лавров. И видит, как движения врача, склонившегося над чемоданчиком, на пару секунд замедляются. Самоубийце в розовой роскошной сорочке в розовой ванне – заметно под пятьдесят. Если учесть известную степень ухоженности – за пятьдесят. Не молод для вас этот красавчик, сударыня? Не слишком дорого вам обходился вот такой паж – с узкими бедрами, широкими плечами, и темные кудри падают на смуглый лоб, и полуприкрыты длинные левантинские глаза, и узкая ладонь взлетает к виску в привычном жесте? А на виске – шрам звездочкой, метка ли уличных боев или детских игр? Не слишком тошно было ему склоняться над телом старой гарпии? Тело вымыто, надушено, умщено кремами, но горький, грустный, осенний запах увядания пробивается сквозь парфюмерную муть. Даже умирать женщина полезла в шелковой ночной сорочке – чтоб не напугать тех, кто ее найдет, зрелищем потрепанных прелестей. Каково тебе, смуглый паж, теперь, когда стареющая королева освободила тебя?

– Как давно вы были знакомы с ныне покойной Верой Федоровной Субботиной?

– Три года.

– Что – три года?

– Мы были знакомы три года. Два с половиной года жили вместе.

– Сожительствовавали?

– Мы были женаты.

– Да?

– Это зафиксировано в моем паспорте. И в ее тоже.

– Жили у нее?

- У нее.
- Вы прописаны: Комсомольская, семь, квартира сто тринадцать.
- Да.
- Вы часто бывали там?
- Нет. Иногда приезжал посмотреть, все ли в порядке.
- Как ночью двенадцатого сентября? А почему нужно было проверять именно ночью?
- Днем я занят. Освободился только к девяти. Поужинал...
- Где?
- Что?
- Где вы ужинали?
- В ресторане «Калина».
- Один?
- Один.
- Продолжайте.
- Потом решил съездить на Комсомольскую.
- Во сколько вы туда приехали?
- Часов в одиннадцать.
- Зачем?
- Просто так.
- И просто так задержались до двух часов ночи?
- У меня была встреча.
- Там?
- Там.
- Какого рода встреча?
- Это важно?
- Разумеется.
- Личная встреча.
- Свидание?
- Да.
- Особа, с которой вы встречались... Она может это подтвердить?
- Разумеется.
- Будьте добры, назовите ее фамилию, имя, отчество.
- Крымская Жанна Владимировна.
- И вы приехали домой в два часа ночи?
- Да.
- И обнаружили свою жену в ванной?
- Да.
- И вызвали «Скорую»?
- Именно.
- Ясно. Еще один вопрос. Ваша жена – она пила? Употребляла спиртное?

В американском триллере следователь спросил бы: «У нее были проблемы с алкоголем?» Это ж надо, какая бездна между русским беспросветным пьянством и американскими деликатными проблемами! У Веры вот именно были проблемы. Она пила редко и мало, алкоголь действовал на нее очень круто и почти молниеносно, после пары порций коньяка она не контролировала свои эмоции, становилась обидчива, плаксива. Опынение выливалось в тихую истерику, а та в свою очередь перетекала в глубокий здоровый сон.

– Да... Она... Могла, в общем. Выпить.

– Теперь личный вопрос, Дмитрий Валерьевич. Вне протокола. Не секрет, что у вас с женой приличная разница в возрасте...

– Это вопрос?

– В общем, да. Как такое могло получиться? Вы – человек молодой, очевидно, пользуетесь определенным успехом у женщин...

– Я вас понял, не трудитесь уточнять. В сущности, я мог бы вам и не отвечать. Но я скажу. Просто так случилось. Вера красивая женщина... Была красивой женщиной, я потерял голову... Потом мне случалось об этом пожалеть, но ведь каждый женатый мужчина иногда жалеет о холостяцкой жизни.

– Вот это точно. А вот еще вопрос – вы ведь работаете на фирме, которая принадлежала покойной?

– Да. Мы там и познакомились. Где бы я еще мог встретить такую женщину?

* * *

Дмитрий Лавров увидел свою будущую жену в первый же день на новой работе. Тогда по коридору пронесся словно бы шелест, двери вдруг распахнулись, как от сквозняка, и на пороге появилась она. Небожительница. В белоснежном костюме, отороченном перьями марсианских птиц. Тонкие фарфоровые пальцы сжимали бумаги. Казалось, что не бумаги, а цветы. Гиацинты какие-нибудь. Орхидеи! Тонко подкрашенное лицо, длинные, прищуренные ярко-зеленые глаза. Тяжелый золотой медальон на груди. Невидимая дымка странных духов. Запах травяной, болотный, горьковато-тайный.

«Кикимора, – сообразил Дмитрий Валерьевич. – Затянет – и погубит. Считайте, что я утонул».

– Вы наш новый сотрудник? Прошу ко мне в кабинет.

Лавров не вполне понимал – на кой он ей сдался в кабинете-то? Не может быть, чтобы хозяйка глянцевого журнала «Тужур» интересовалась последним-распоследним менеджером, пробравшимся на работу в теплое тужурно-гламурное издательство, как червяк в румяное яблочко! Как они туда попадают, кстати? Ах да – бабочки откладывают яйца в цветы. Или не так? Неважно.

Кабинет у Субботиной был как цветок яблони. Бело-розовый. Только пахло в нем опасными болотными травами, ядовитыми должно быть.

– У нас, как вы догадались, преимущественно женский коллектив, и мне бы не хотелось...

Да что ты говоришь! Ей как раз хотелось. При первом взгляде на смугло-гладкого, насмешливоглазого, улыбчивого – захотелось поймать его и держать. Себе. Для себя. «О, как на склоне наших лет нежней мы любим и суеверней»... Вера не считала, что находится «на склоне лет». Ее жизнь была впереди, всегда только впереди, обманчивая близость присевшего мотылька – только протяни руку, он испугается мелькнувшей тени, неощутимого колыхания воздуха, вспорхнет и – прощай-прощай! Но этого улыбчивого эфеба она, выпачкав пальцы душистой оранжевой пылью, поймала, мягко ухватила за шелковые крылья. Это оказалось легко, на удивление легко, неудивительно легко. Она, Вера, была все еще очень хороша, а обаяние больших денег придавало ее облику некую размытость, как вот в жаркие дни дрожит над горизонтом море, мешая рассмотреть детали пейзажа, так и неаппетитные подробности немолодого лица скрывались в горячем мерцании богатства. Ей достаточно было одного царственного жеста, чтобы Дмитрий Лавров приполз и прилег к ее коленям, хватило одной ночи, чтобы он согласился на все. Свадьба? Хорошо! Очень хорошо.

Свадьба вышла скромной – по понятиям Вериного круга. «Молодая была немолода» – цитировала Вера, кружась перед зеркалом, одетая в кружевное платье цвета слоновой кости. Лавров только нежно усмехался. Она успела здорово задурить ему голову. Страстная, насмешливая, равнодушная, всезнающая... Жизнь без нее казалась пустой, все огни мира погасали вдали от ее сдержанного свечения.

Через год все изменилось. Не могло не измениться. Даже когда супруга прекрасна и юна – через год-два семейная жизнь набивает оскомину. Если жена на двадцать лет старше мужа – пресыщение наступает неотвратимо. И не лечится. Неприятные утренние сюрпризы. И не только утренние. Лукавая зелень ее глаз – всего лишь линзы. Идеальные фарфоровые зубы мало помогают против несвежего утреннего запаха изо рта. Пьяные истерики. Ей немного было надо. Какой ужас! Повредился грудной имплантат, пришлось удалять. Швейцария, клиника. Грудь у Веры повисли пустыми мешочками. И жалко, и противно. К тому же она – такая бывалая, оказалась поистине беспомощна, столкнувшись с любовью. Мастерица интриг, пророчица блестящих колонок, гуру женских сердец – рядом с мужчиной своей жизни Вера вела себя как влюбленная пятнадцатилетняя школьница.

Лавров старался быть к ней добр. Но оказалось, что его доброта ей не нужна. Ей требуется любовь. А любви нет, да и не было никогда.

– Делай что хочешь, как хочешь, – сказала она мужу полгода назад, глядя сухими глазами поверх его головы. – Только живи со мной. Спи с кем угодно, но всегда возвращайся домой. Я тебя не отпущу. Я не дам тебе развода. Я убью тебя или себя, но не отпущу. Ясно?

Он кивнул. Это ведь ясно, ясно как день. Убьет. Сама не будет пачкать рук в крови и оружейной липкой смазке, наймет киллера. Это – правда, она читается на ее лице, в плотно сжатых губах, в сухом блеске глаз. Веру не переубедить, не уболтать. Недавно она купила на аукционе бронзовую фигурку мальчика и поставила в гостиную. Старая бронза дико смотрелась в суперсовременном хай-тековом интерьере. Но Вера настояла: «Мне нравится! Он мой!» Чудовищные деньги отдала. Лавров мальчика жалел. Холодно ему, голому, в окружении стекла, металла, пластика. Неуютно ему. Впору завернуть фигурку в теплый шарф – как в детстве любимую плюшевую собаку. Но мальчик остался, и Дмитрий остался тоже. И стали они жить-поживать... Добро наживалось, а вот между супругами добра осталось мало. Вера пила каждый день и устраивала дикие сцены. Грозила самоубийством. Лавров не принимал ее слов всерьез.

Осталась отдушина – Жанна. Старая подруга, боевой товарищ. И еще – небольшой круг приятелей, составившийся девять лет назад, когда Лавров только приехал в Москву.

Они все занимались на курсах PR, что тогда еще было для России делом новым, интересным и... перспективным? Все надеялись, что перспективным. Все рассчитывали, что это поможет им в будущем, что они станут специалистами, начнут работать самое малое на президента. Трое из них – Дмитрий Лавров, Оля Сербинова, Жанна Крымская – приехали из провинциальных городов, надеясь завоевать столицу. Теперь уже можно судить о том, насколько им это удалось. Кирилл Стеблев и Олег Зайцев были москвичами, причем Кирилл – из семьи с традициями. Ему-то как раз эти курсы были нужны меньше всего, о хлебе насущном он мог не раздумывать. Сейчас Кирилл – модный художник, а Оля – его герл-френд. Она тоже творит, но в другой области. Ее платья, свитера, жилетки и пледы охотно принимают небольшие магазинчики, торгующие авторскими изделиями. Олег Зайцев попал в политику, разрабатывает имидж одному не в меру прыткому депутату. Жанна подвизается на тернистой почве российского кинобизнеса.

А он сам, Дмитрий Лавров... Тридцатилетний смуглый метросексуал, мальчик с глянцево-странички, с браслетом на тонком запястье, с насмешливым и умным лицом! Он кем

стал, чего достиг! Рекламный менеджер, чудом попавший в шикарный журнал, очень скоро он стал директором по рекламе, а после смерти Веры – практически единственным владельцем издания, приносящего серьезный доход. Жена все оставила ему. Квартиру, машины, журнал. Только некоторая сумма денег и безделушки сентиментального характера отправились, согласно подробно составленному завещанию, куда-то в глубокую российскую провинцию, где проживала то ли сестра Веры, то ли племянница. Этим занимался адвокат, Лавров даже не поинтересовался. Через некоторое время он хватился золотого медальона в форме сердца – всегда хотел знать, что таится в нем. Но того уже и след простыл. Еще одна тайна осталась нераскрытой. Впрочем, может быть, так оно и лучше.

Глава 2

«— А кстати, верите ли вы в привидения?

— Я? Может быть. Очень может быть. А вы верите? Являются, что ли?

Свидригайлов как-то странно посмотрел на него.

— Марфа Петровна посещать изволит, — проговорил он, скривя рот в какую-то странную улыбку. — Впервой я ее увидел в самый день похорон, час спустя после кладбища...»

Лавров отбросил покет в яркой обложке и зевнул — широко, чуть не вывихнув челюсть. Странно — ведь тысячи людей верят писателям... Верят в придуманные миры, считают их истинными. До тех пор, пока не попадут в более-менее аналогичную ситуацию и не убедятся в том, что нормальные люди не ведут себя как персонажи книг. Боги, герои, святые — да кто угодно! А нормальные люди не способны совершать такие поступки и говорить такие слова...

«Возьмем хоть бы того же Достоевского, — сказал Дмитрий самому себе. — Да в жизни не поверю, чтобы Раскольников так маялся! Убить из принципа — вздор! Убил как и все, ради наживы, потом страдал, что мало добришка у старушки прихватил, что распорядиться им толком не смог... Вот и подыскал моральное оправдание. Хотя, если Родион Романович страдал шизофренией, как и сам Достоевский...»

Лавров с удовольствием прислушивался к своему голосу, звучащему в гулкой пустоте квартиры. Он ничего не мог с собой поделать — спустя некоторый, положенный приличиями срок после похорон, принялся обставлять жилье заново. И чувствовал себя, как подросток, оставшийся дома один — а родители уехали и не скоро вернутся, и можно позвать друзей, врубить музыку и перевернуть все вверх дном! Но, как тот же подросток, он не смог навести порядка перед возвращением предков — устранив нелюбимую, ненавистную хай-тек-овую мебель, ничего нового он не завел и визит в дизайнерскую контору все откладывал. В большой квартире нетронутым остался только солидный кабинет. Остальные комнаты были пусты. В гостиной появился только огромный диван, приобретенный в итальянском магазине. На этом диване Дмитрий сейчас и лежал, читал Достоевского. Под пристальным взглядом бронзового пацана.

Лаврову нравилось, что он так вот философствует наедине с собой, высказывает такие значительные суждения, нравилось читать Достоевского — хотя в воскресный вечер мог бы пойти в ресторан, в клуб, к друзьям! Было в этом что-то... настоящее. Знай наших!

В пустой квартире голос отразился от голых стен и принес с собой гулкое эхо, и тут же, как бы откликаясь, мелодично запиликал телефон. Дмитрий нехотя взял трубку.

— Я слушаю...

— Привет, Димка! — рявкнул знакомый веселый голос.

— Привет и тебе, друг мой Олег, — церемонно ответил Дмитрий.

— Не хочешь проветриться? Что-то у тебя голос скучный. Случилось что-нибудь?

— Да нет, ничего особенного. Надоела эта пустая квартира. Лежу на диване, читаю Достоевского... — не удержался Лавров.

— Ой, Митя, и охота тебе было переезжать так спешно? Теперь вот мучаешься... Подожди бы, пока отремонтируют, чего тебе стоило?

— Да, сваял дурака, — со вздохом согласился Дмитрий. Перед Олегом, пожалуй, не стоило выпендриваться. — Так что там у вас? Вечеринка? Где и по какому поводу?

— Решил вас пригласить сегодня к себе, — в голосе Олега чувствовалось нетерпение, и он не выдержал: — Есть что отпраздновать!

– Ну? – охотно удивился Дмитрий, хотя повышение Олега до главы PR-отдела давно уже было решенным делом, и об этом не знал только ленивый. – Наконец-то! Рад?

– Еще бы, – даже по голосу чувствовалось, как широко Олег улыбается. – Так придешь?

– Ну само собой, сейчас же начинаю собираться.

– Чего там тебе собираться? Макияж освежать? Одевайся и выходи. Жду!

Дмитрий положил трубку и встал. Действительно, хорошо посидеть у Олега. Будут только свои, можно не стесняться условностей: зажигать на столе – или не зажигать – это уж как захочется, самому открывать шампанское, не дожидаясь официанта, можно будет не...

Поймав себя на этой мысли, Дмитрий усмехнулся. Это надо же – как быстро он устал! «От светского вихря» – сказал бы беллетрист века восемнадцатого. Вот, от светского вихря. Как быстро Лавров привык к легким деньгам! Ему удалось проникнуть в сверкающий мир. Но стоит признать – ему неуютно. Словно кто-то невидимый и строгий вот-вот схватит его за шкуру и вышвырнет прочь. Потому что не заслужил. Получил напирмачка. И только со старыми друзьями Дима может чувствовать себя свободно. Но от себя не убежишь, и, как ни банальна эта народная мудрость, придется признать ее справедливость. От собственных страхов, от ночных кошмаров, от сердцебиений и волн ледяного пота не скрыться. Нельзя убежать от беспокойной совести, в которую Лавров не верил. При чем тут вообще совесть? Он что, украл? Не украл. Убил? Не убил. Он жил, как мог, и получил то, что само плыло в руки. Он молодой, жемчугом светится в темном зеркале улыбка, и он еще встретит свою любовь, и все будет как на глянцевых страницах – домик на взморье, холеная красавица жена, стерильно чистые кудрявые малыши (ах, как похожи на папу) и счастливый отец – в лыжном костюме и очках... Впрочем, это с другой страницы, а на этой кто-то небрежно выкромсал кусок...

Лавров быстро пригладил перед зеркалом густые темные волосы. Как у многих людей, его лицо перед зеркалом приняло неестественное выражение, на тонких губах появилась заученная доброжелательно-ироничная улыбка.

Над московскими бульварами плыл весенний вечер – обычный столичный вечер, говорливый, дурнопахнущий, хмельной. «Поеду на метро, – решил Лавров. – А то в пробках дольше простою. Нужно быть ближе к народу».

Решив осчастливить гипотетический народ своей непосредственной близостью, Дмитрий направился к входу в метро.

В поезде он с нескрываемым любопытством рассматривал лица попутчиков. Пожалуй, решив окунуться в жизнь народа, Лавров кокетничал перед самим собой. Не так уж давно он «выбил» в люди, чтобы забыть, как выглядит обыватель среднего достатка. Дмитрий просто не желал оставаться наедине со своими мыслями, хотел зрительных впечатлений, простых и понятных. Но мысли привычно текли по накатанному кругу...

«Вот этот человек, – размышлял Лавров, косясь на невзрачного мужичонку в чистеньком, но старомодном плаще и с портфелем из кожзаменителя в руках, – предположим, он порядочен и честен. Нет, не так. Предположим, ему не в чем себя упрекнуть. Честный труженик, верный муж, примерный отец. Работает... Кем? Бухгалтером на маленьком предприятии. Двое детей – девочка, читательница нашего (моего!) журнальчика, любительница нарядов и клубной музыки, сын-оболтус косит от армии, продает сотовые телефоны в занюханном салонишке. Жена болеет по-женски. Два кредита – на холодильник и на стиральную машинку. Всем нужны деньги – на тряпки, лекарства, на взятки чиновникам. И он работает, работает как вол, до седьмого пота, не гнушается брать халтуру. Но у него впалые щеки, серая кожа – весенний авитаминоз, обычное дело. Изо рта пованивает – зубы больные, лечение дорого. Белки глаз желтые – тут и человек без медицинского образования скажет, что у бедняги не в порядке печень. Вот помучается еще немного и отойдет в лучший мир, где

несть ни печалей, ни вздыхания. Так это еще вопрос, существует ли он, этот самый лучший мир. Я лично сомневаюсь. А вот умирать бедолага будет долго и мучительно. Денег на хорошую клинику у него нет, а значит, лежать придется в дурной больнице, в коридоре, и медсестры на него орать станут, а домашним он будет в тягость...»

Занятый такими мыслями, Лавров пристально рассматривал своего визави и, наконец, совершенно его смутил. Пробурчав что-то типа «придурок», мужчина стал проталкиваться к выходу. Дмитрий очнулся и усмехнулся себе под нос.

«Что я насочинял? Ерунда какая. О себе думать надо! Кстати, Лиза становится чересчур навязчивой. Намеки делает, развела свою косметику у меня в ванной... Надо будет порвать с ней, пока не поздно».

С Лизой он познакомился два месяца назад в клубе, и в тот же вечер она оказалась в его постели. В холостяцкой квартире, стоит заметить в скобках. Незачем смущать неискреннюю девушку видом пятикомнатных апартаментов. Слияние их получилось более или менее зажигательным, но странно эстетичным, словно оба действовали не в приглушенном сумраке спальни, а участвовали в эротическом спектакле. Поверхностные отношения, декоративная связь. И сама Лиза – декоративно-орнаментальная, поддельная. Она жила, словно подшивала на дешевую одежду ярлычок модного дизайнера. Лиза была фейк. Но сама словно не чувствовала этого. Она старалась изо всех сил. Очаровывала – якобы внезапными вспышками страсти, беспомощно-старательным макияжем, «умными» разговорами о модных книгах и фильмах... Рассчитывала поймать Лаврова на брачный крючок, заявляя вслух об их обоюдной свободе. Бедняга, все равно ничего у нее не выйдет. Он встретит настоящую, неподдельную, уникальную...

И тут же, словно в ответ его мыслям, за спиной приятный женский голос произнес:

– Извините, вы выходите?

– Да, – ответил Дмитрий, покосился на спросившую, да так и замер на месте. Перед ним была девушка удивительной красоты – чего стоили хотя бы эти огромные, одухотворенные неведомой мечтой синие глаза!

Двери открылись, Дмитрий вышел, и девушка вышла вслед за ним. Не глядя на молодого человека, она деловито застучала каблучками по направлению к эскалатору. Лавров ринулся за ней. Он еще не знал, что скажет незнакомке, и полагался на экспромт, будучи слишком уверен в себе, чтобы придумывать какие-то спичи...

– Извините...

Девушка, очевидно, ждала этого обращения. Она не могла не заметить привлекательного, хорошо одетого молодого человека, который так заинтересованно глянул на нее в вагоне, и ждала продолжения знакомства, потому и обернулась с такой готовностью. Лучше бы она этого не делала! Да, синие глаза оказались действительно хороши, но все остальное явно подкачало... Тонкий нос с уродливой двойной горбинкой, с вывернутыми ноздрями, узкие и плоские губы, жидковатые волосы, висящие невыразительными сосульками вдоль лица и выкрашенные в «платину» – жалкая претензия на дерзкую сексуальность! И все та же серая, усталая от безнадежно загазованного московского воздуха кожа, хоть и залепленная в несколько слоев тональным кремом, пудрой, румянами... Подделка, подделка, засада!

– Извините, я обознался, – белозубо улыбнулся Лавров и обогнал девушку. Некоторое время он шел впереди нее, чувствуя за спиной ее недоумевающий и растерянный взгляд.

Выбравшись на волю, он вздохнул, проведя рукой по лбу. «Что-то меня колбасит! Напиться, что ли?»

И заторопился туда, где его уже ждали приятели. Не всем же пришла в голову такая странная фантазия – добираться до места встречи на метро...

Дмитрию открыл хозяин и виновник торжества Олег. Меломан и артист, невысокий и тощенький, он был похож на хорошенькую избалованную девочку-подростка. Козлиная

бороденка, которую Олег себе не так давно отпустил, впечатления не поправляла. Был он умник, язва и болтун. Как ни странно, его все любили, звали ласково, по фамилии – Зайчик, или Мелкий. Впрочем, он не остался в долгу, наградив прозвищами своих друзей. Так, Дмитрия он звал Муром, уверяя на полном серьезе, что тот очень похож на кота, причем не на какого-нибудь, а на прославленного великим Гофманом кота Мура... Кирилл был прозван Малевичем. «Не потому, что такой же гениальный, а потому, что малюет!» – пояснял Олег.

Кирилл только усмехался. Он был художник модный, признанный, его работы выставались за границу, к нему ходил «рисоваться» весь московский бомонд, картины неплохо продавались... В самоутверждении он не нуждался.

– О, Мур! Ты что это, никак пешком шел? – приветствовал тем временем Мелкий.

– Почти, – вздохнул Дмитрий. – Я решил приблизиться к народу...

– Вот и приблизишься! Мы уже выпили и мартини, и шампанское. Так что окончательно сольешься с народом и будешь кушать водку.

– Когда же вы успели? – с изумлением поинтересовался Дмитрий. – Давно сидите? И что, больше ничего нет?

– Да нет, недавно. Мартини и было-то полбутылки, а шампанское...

– А шампанское я выпила! – радостно воскликнула Ольга, подпрыгивая на диване.

– Заметно, – подмигнул ей Лавров, обмениваясь рукопожатием с Кириллом.

– Честное слово, она! – заверил его Кирилл. – Мы только вышли на балкон, – Олег ввиду повышения в должности бросил курить и ввел тут мораторий... Вышли на балкон и разговорились. Возвращаемся – бутылка пустая, а Лелька тут скачет, жизни радуется...

– Всего-то одна бутылка и была? – подивился Дмитрий. – А я собирался напиться, упиться, в общем, повеселиться...

– У меня, между прочим, финансовые трудности, – со вздохом заметил Мелкий, появляясь на пороге комнаты с огромным блюдом спагетти. – Внимание, сюрприз от шеф-повара Олега Зайцева! Спагетти, запеченные с ракушками и лангустинами! Не набрасывайтесь так – впереди еще инжирный торт! Врать не буду, торта не пек. Купил готовый, во французской кондитерской. Подлецы лягушатники, совершенно не щадят мою талию!

– Это и есть финансовый кризис, – покивал головой Лавров. – Я тоже хочу недельку так пожить!

– Ой, не прибедайся! – махнул на него Олег. – Если желание станет невыносимым, наймешь меня в качестве повара и мажордома. А пока не нанял – пошел бы лучше и купил выпивки. Сейчас Жанночка прибудет, не могу же я ее водярой поить, пусть даже и хорошей.

– Ты по телефону не мог сказать? – возмутился Дима.

– Когда я тебе звонил, шампанское еще было, – грустно сказал Мелкий.

– Только сам я не пойду. Не царское это дело. Вон пусть Кирилл сбегает, у него ноги длинные...

– Еще чего, тебе великий художник за выпивкой бегать не станет, – проворчал тот. – Или ты думаешь, что тут денег ни у кого нет? Мы тебя и ждали, думали, ты как опоздавший пойдешь...

– Ну, как же, – Дмитрий повернулся к Олегу. – А Иваныч дома?

– О! Мысль! Мур, ты гений! Пошли вместе!

Олег водрузил блюдо на стол и выскочил на лестничную площадку. Лавров последовал за ним. Друг колотил в дверь соседней квартиры. Звонка при двери не было.

– Иваныч! Открой, родимый! Твоя мама пришла, молочка принесла!

Через некоторое время обшарпанная дверь приоткрылась и в щели показалась опухшая физиономия, которая сделала бы честь любому снежному человеку в смысле нелюбезности выражения и небритости.

– Это... Ты чего шумишь? – послышался хриплый голос.

– Слышишь, Иваныч, сходи нам за выпивкой!

Физиономия проявила неожиданную заинтересованность.

– Это... Я мигом! – Из двери показался здоровенный мужик в тельняшке и тренировочных штанах. В руке он держал пакет, словно, когда Олег позвонил в дверь, уже знал, что придется идти за шампанским. Или сам куда-то собирался?

– Дай ему денег, миллиардер, – подтолкнул Диму Олег.

Тот не глядя сунул руку в карман, деловито поинтересовался:

– Сколько?

– Не знаю, сам решай. У него обычная такса – шкалик водки. А нам возьми мартини и шампанского, ну, три бутылки...

– Да его пустят в магазин? Фейсконтроль он пройдет? И кстати, он знает, что такое мартини-то? – хмыкнул Дмитрий, покосившись на Иваныча.

– Знаю, – заявил Иваныч, и в голосе его прозвучала законная гордость. – Дрянное пойло, как самогон на пектусине...

На всякий случай ему дали пустую бутылку из-под благородного напитка и спроводили.

– И не стыдно тебе живого человека на посылках держать? – попрекнула Дима Мелкого.

– Ничего, он мне больше должен. Иваныч мужчина глубоко пьющий, одинокий. А квартира у него – лакомый кусочек. Приходили к нему тут недавно...

– Кто?

– Кто-кто. Двое с носилками, один с топором. Эти... Черные риелторы. Но я закрыл Иваныча грудью, и он оценил эту услугу. Когда протрезвел, разумеется. Так что бегают он не в службу, а в дружбу.

Когда Дмитрий с Олегом вернулись в комнату, там шла оживленная беседа. Подвыпившая Ольга наезжала на Кирилла.

– А как ты изобразил эту гламурную фифу? Ну, как ее... Таю Сталину? Слушай, ну это же лубок! Базарный лубок! Ты бы ее еще на берег озера положил в виде русалки! А по озеру чтоб лебеди плавали пополам с кувшинками!

– Это стиль, – пожимал плечами Кирилл. – И лубок не так уж плох, как ты себе представляешь.

– Ну, конечно! Ты потрафил самой Сталиной – главное, бриллиантов не пожалел и саму приукрасил... Налетай, не скупись, покупай живопись!

– Да, – покорно согласился Кирилл. – Да, это заказ. Но ты сама прекрасно знаешь – я работаю над большой картиной, которая не имеет ничего общего с этой халтурой. А халтура нужна, чтобы водить мою обожаемую тетку по ресторанам. Угадай, кто эта тетка?

– Неужели Тая Сталина? – хохотала Оля.

– Лелечка, ну что ты привязалась к нему? – возмутился Олег. – Не расстраивайся, Малевич, твоего великого тезку тоже не понимали мещане!

– Да! – гордо заметил Кирилл.

– Ну, если краткость – сестра таланта, то наш Малевич – гений, – заметил Олег.

Все расхохотались.

– Кстати, – невозмутимо поинтересовался Кирилл. – Кого вы там за выпивкой отправили? А то я натура тонкая, плохую водку употреблять не могу...

– Алкаша местного, он у меня на посылках, – ответил Олег.

– А он не смоеется с деньгами?

– Да ты что? – возмутился Олег. – Кристальная душа!

– Да у тебя все кристальные, идеалист ты наш, – вздохнул Кирилл.

Но его дурные предчувствия не оправдались – Иваныч явился, в комнату входить не стал – деликатно погремел бутылками в прихожей и откашлялся.

– Ну, приступайте, аристократы и дегенераты! – возопил Мелкий, внося сумку с бутылками. – Водку они, видишь ли, пить не могут! Да не вылакайте все шампанское, оставьте Жанночке хоть немного!

Глава 3

– Ну, куда ты поедешь, скажи на милость? Ты же там пропадешь! Кому ты нужна в этой Москве, дурочка из переулочка? Кобелям московским несытым? Мужа себе там поймать надеешься? Так вот фиг! Московские только испортят, а ни за что не женятся! Приползешь обратно – не пушу! Лимитчица!

Мать бушевала третьи сутки. И вот что странно – она уже год как знала, что ее единственная дочь «намылилась» в столицу, и помалкивала. Неужели надеялась, что чадо переменит решение? Вряд ли – учитывая Юлькино упрямство. А теперь бушует только от безнадёжности да от страха за своего ребенка.

Юля, низко склонившись над гладильной доской, с ожесточением водила утюгом по полотенцу. Ее красивое лицо было совершенно спокойно, и это еще больше взбесило Татьяну Витальевну.

– Отвечай, когда мать с тобой разговаривает! – выкрикнула она.

Юля подняла на нее глаза.

– Пожалуйста, успокойся, – сказала девушка негромко, зная, что повышенным тоном можно мать еще сильнее завести. – Мне кажется, было бы гораздо лучше, если бы мы провели последние часы вместе в тишине и спокойствии. Потом, ты прекрасно знаешь – я еду не на пустое место. Там Жанна. Она мне поможет, она обещала. Неужели ты не хочешь увидеть меня в сериале? Представь: что-то вроде «Талисмана счастья» или «Страстей из табора»... И я – в главной роли...

– Так уж и в главной! Да там своих красоток хоть ж... ешь! И Жанна твоя – думаешь, нужна ты ей! Каждый ведь сам за себя!

– Мам, все будет хорошо. Ты же знаешь, я сильная...

– И сильная, и умная, красавица моя... Да только в столице и не таких обламывали...

В голосе женщины послышалась слеза, и Юлька досадливо поморщилась. Эта чуть заметная гримаса не ускользнула от внимания Татьяны Витальевны, и ее расслабленность тут же как рукой сняло.

– Что ты на мать-то косорылишься? – снова запричитала она. – Растила я тебя, растила, сама ночей не спала, куска не доедала, все для тебя...

– Я не просила, – коротко ответила Юля, схватила полотенце и, выдернув шнур утюга из розетки, удалилась в свою комнату.

Татьяна Витальевна бессильно опустила на стул, и по ее пухлым щекам покатались слезы. Впрочем, наравне с горькой обидой в ее душе уживалась и гордость за дочь – красавицу и умницу. Ведь никто не думал, что так выправится Юлька! Все время гадким утенком была, и зашуганная до страха, а ишь, какая теперь... Ничего, даст бог, не пропадет. Глядишь, и замуж за москвича выскочит, в столице жить будет! А может, и правда в сериале снимется? Все с Жанной они всю школу дружили, та и правда пишет – приезжай. Она как раз этими сериалами и занимается, только не снимает и не играет, а что-то еще там, не понять. Ведь бывают случаи – вон и в журналах пишут, и в газетах! Приехала из провинции – раз, и звезда!

И Татьяна Витальевна в мыслях своих добралась уже и до Голливуда, а дочь как ушла в комнату, так и не появлялась больше.

«Наверное, спать легла, – вздохнула про себя Татьяна Витальевна. – Зря я так с ней. И не поговорим напоследок... Ну ладно, все равно ей завтра рано вставать. Да все ли она собрала?»

Но тревожить дочь не решилась.

А Юля и не ложилась. Сидела с ногами в кресле. Тонкие пальцы неустанно перебирали звенья толстой цепочки, похожие на кофейные зерна. Другой рукой девушка листала альбом с фотографиями. Со снимков смотрела нескладная девчонка, настоящее чучело! С ума сойти, неужели она когда-то была такой? И ведь не так уж и много времени прошло...

В детстве Юля была совсем некрасивой. Слишком худая, угловатая, большеухая, с непокорной гривой черных кудрей, которые все не удавалось толком причесать, с густыми бровями, которые придавали девичьему лицу нелепо-суровое выражение... Мать только вздыхала глядя на нее, а в школе дразнили «растрепой» и припоминали «Маппет-шоу». Так бы Юлька и махнула на себя рукой, смирилась бы со своей непривлекательностью, но жизнь ее повернулась иначе, и ей понадобилось стать красивой. Не просто симпатичной или привлекательной, а непременно первой красавицей, так чтоб все падали! А уж если Юля чего-то хотела – она этого добивалась.

Девчонки начинали свое преображение с неумелого макияжа, с дешевых китайских шмоток, купленных на местном рынке... Юлька пошла другим путем. Ее детского умишка хватило на то, чтобы не срезать свое главное сокровище – огромную, тяжелую косу, которую можно было уже дважды обернуть вокруг головы. И вместо того чтобы нырять в мамину косметичку (да и не было у Татьяны Витальевны никакой косметички, пользовалась она простой компактной пудрой и изредка, по праздникам, подкрашивала губы коричневой помадой), Юля пошла заниматься балетными танцами. Ее там вначале приняли неприветливо – девчонка была тощая, как палка, и такая же негнущаяся. Но деньги уплачены, пусть пляшет... Танцы научили Юльку грациозно двигаться, научили не бояться публики... Научили общаться с мальчиками. Первый же партнер влюбился в нее моментально и бесповоротно, и хотя он никогда в жизни не решился бы признаться в своем чувстве – Юля знала и усмехалась. То ли еще будет!

Когда Юля со своим партнером заняли первое место на городском танцевальном конкурсе, растроганная мать предложила дочери потратить всю премию на себя, на покупку модной одежды и обуви. А премия, надо сказать, была немаленькая – спонсоры постарались. Мать предлагала пойти на базар, но Юлька барахолку в ужасе отвергла. В «бутиках» провинциального городишки продавали те же изделия трудолюбивых китайцев. Девушка отправилась к портнихе, предварительно купив несколько модных журналов.

Именно там, у портнихи, у которой в квартире так хорошо пахло новой тканью и дорогими духами, Юля взглянула в огромное, от пола до потолка, зеркало и не узнала себя. Тощего лягушонка больше не было. Перед ней стояла молодая особа с хорошей фигурой, с тренированными гладкими ножками, самоуверенная, гордая, неприступная. Юлька так поразилась, что сразу от портнихи отправилась в косметический салон, где ей очистили кожу, придали форму бровям, научили, как справляться с волосами...

Юлькино преображение на этом не закончилось. «Нет предела совершенству», – решила она про себя. Танцы выполнили свою миссию и были заброшены. Напрасно преподаватель ходил к девушке домой, умолял и унижался, просил вернуться к занятиям, называл Юлю своей последней надеждой... та была непреклонна.

– Мне это больше не интересно, – отвечала она.

Юля к этому времени уже окончила школу – без троек – и поступила на театральный факультет консерватории. Для чего ей это понадобилось – неизвестно, но она с присущим ей упрямством шла к намеченной цели и никому не собиралась объяснять своих поступков. Жанна Крымская, единственная подруга, к тому моменту уже отчалила в Москву, поступать в МГУ... Но Жанка всегда была семи пядей во лбу, да ей и было у кого поселиться в столице, тетка у нее там.

Успех сопутствовал Юлии во всем, за что она бралась. На втором курсе на нее обратил внимание режиссер местного театра, приглашал на небольшие роли красавиц без речей. Ей сопутствовала зависть коллег. На нее обращали внимание интересные мужчины. Городские тузы присматривались к красивой актрисе. Татьяна Витальевна только руками всплескивала, когда узнавала, какие кавалеры ухаживают за ее доченькой. Сердце у нее замирало, когда она видела целые корзины дорогих цветов посреди зимы... Она боялась за дочь – опасалась, что той вскружат голову легкий успех и всеобщее обожание, что пойдет она по дурной дороге. Но через некоторое время мать вздохнула с облегчением. Юлька мужиков не подпускала на пушечный выстрел, со всеми была одинаково холодна и приветлива, неизменно приходила ночевать домой.

– Некогда мне глупостями заниматься, – спокойно отвечала она, когда мать начинала высказывать свои подозрения. И говорила правду. Прогоны, репетиции, спектакли – ну когда думать о глупостях! К тому же ей нужно было зарабатывать для себя деньги – на материнскую зарплату медсестры вдвоем при всем желании не прожить. Вот и снималась на местном телевидении в рекламах, хоть немного, а зарабатывала... Участвовала в презентациях – выйти в «голом» платье, вынести корзину цветов, улыбнуться...

Татьяна Витальевна гордилась дочерью, любила ее, но совершенно не понимала. Да и как поймешь? Все время молчит, не засмеется, не заплачет на людях, и неизвестно, что у нее на уме, что она за человек. Только раз, месяца три назад, мать услышала из комнаты дочери приглушенные рыдания. У Юли была истерика. Татьяна Витальевна облила дочь водой и приступила к расспросам, но девчонка только вздыхала и отмалчивалась. «Очень сдержанный характер», – сказала про Юлю Эмма Лаврентьевна, начитанная соседка по лестничной клетке, и мать это высказывание усвоила твердо. Просто сдержанный характер, отсюда и скрытность, и немногословность. Но Юля – хорошая девочка, волевая и целеустремленная. После окончания факультета ее пригласили в несколько провинциальных театров, но она отказалась.

– Мам, ты видишь, как мы живем? И тебе хочется, чтобы так всю жизнь? Вот так? Считать копейки, мечтать о зимних сапогах, ждать алиментов, как манны небесной?

Тут и проявилась Жанна, которой удалось пристроиться в Москве. Не то чтоб уламывала, но давала в письмах понять, что Юля могла бы сняться в сериале. Сначала в небольшой роли, потом... Может, ей повезет? Юля не могла решиться, но однажды почувствовала странный прилив сил. Она поняла – ей надо ехать. Она поняла – она сильная. Она все сможет. У нее есть миссия, есть долг, который необходимо исполнить...

Татьяна Витальевна долго еще не могла заснуть – ворочалась, сбивая простыню, вздыхала, терзалась смутными тревогами, а задремав, видела тяжелые, неприятные сны.

Юля спала без сновидений. Собранные чемоданы стояли в углу. До поезда на Москву оставалось четыре с половиной часа.

На рассвете Юля прощалась с матерью.

– Ты уж прости, если чего не так сказала, – вздохнула Татьяна Витальевна. Она куталась в старческую серенькую кофту, полные плечи женщины вздрагивали. Это вызвало у Юли новый приступ раздражения. И чего трясется, как овца! То бой-баба, кого угодно перерорет, а то раскисает...

– Ну ладно, ладно. – Юля небрежно чмокнула мать в щеку. – Ты ступай, не стой на холоде. Я пойду в купе.

– Нет уж, как же это, – засуетилась Татьяна Витальевна. – Я как положено, помахать тебе хочу, когда поезд тронется. А ты иди, а то замерзнешь.

– Да нет, я уж с тобой постою, – со вздохом отвечала Юля.

– А то, может, осталась бы? – сказала мать, словно продолжая вслух какую-то невысказанную мысль. – Замуж бы вышла за хорошего человека, ребенка родила и забыла про театры-то свои... Олег Геннадьевич за тобой ухаживал, такой солидный, обеспеченный мужчина, ты бы за ним горя не знала!

– Успеется. – Юля улыбнулась матери. В конце концов, та не виновата, что досаждала дочери. Надо доставить ей на прощание пару приятных минут. Это же нетрудно...

– Береги себя, мамулечка, – зашебетала Юля. Судя по всему, с минуту на минуту должны были скомандовать отправление. – А за меня не волнуйся. Я себе такого мужа оторву, тебе и не снилось! А потом тебя к себе возьму... Не бойся, ты же знаешь, я умная девочка!

– Знаю, знаю. – Татьяна Витальевна украдкой смахнула со щеки слезу. – Ладно уж, ступай в вагон. Я пошла... Юля! Погоди.

Юля обернулась, взглядываясь в лицо матери.

– Юлечка... Ты вернешься?

– Конечно, мам. Что за вопрос? Я вернусь или ты ко мне переедешь...

– Ты прости уж меня, доча... Нескладно все как-то вышло...

– Ну что ты, мам. Тебе не за что прощения просить...

– Есть за что. Ну ладно, давай, иди в вагон. И правда холодно.

Юля со вздохом облегчения ушла. Поезд тронулся, мимо окна проплыло заплаканное лицо матери, женщина слабо махала рукой. Юля махнула ей и с легким сердцем вошла в купе. Поезд разгонялся постепенно, пока он еще ехал по городу, мимо знакомых мест. Но уже через час, когда проводник принес Юле белье и кофе, он мчал по степи... Уютно устроившись на диванчике, девушка достала из сумки румяное яблоко, томик Флобера и погрузилась в чтение. Ее попутчик, немолодой мужчина, по виду – бывший военный, настроен был побеседовать с этой милой, удивительно красивой девчушкой, но получил в ответ презрительно-холодный взгляд.

– Кстати, в дороге вредно читать, – наконец решился заговорить ее попутчик. – Видите ли, постоянная вибрация...

– Благодарю вас, – отрезала Юля.

– За что? – опешил попутчик.

– За заботу о моем здоровье.

Интонационно эта благодарность звучала как самая беспардонная брань. Попутчик стушевался и больше не смел заговаривать с красавицей. Неудивительно – ведь в ней что-то такое было, от чего мог бы смутиться и самый развязный наглец.

Мудрено девушке ее возраста из семьи с достатком ниже среднего выглядеть недоступной королевой, но она научилась этому в отличие от многих своих ровесниц... Может быть, потому, что у ее товарок образцами для подражания были шлюховатые эстрадные звездочки-однодневки, а Юля смотрела красивые фильмы, где играли по-настоящему красивые женщины, и усваивала их манеру держаться... Для того же читала она не только женские журналы, а учила наизусть сонеты Шекспира и стихи Цветаевой.

Смотрела, читала, работала над собой и за собой ухаживала... А в минуты откровенности – не публичной, а внутренней откровенности, говорила себе, что похожа на космонавта перед полетом.

Глава 4

Расходиться стали далеко за полночь. Первым ушли Кирилл и Ольга. Остались Дмитрий, которому меньше всего хотелось возвращаться в свою пустую, населенную призраками прошлого квартиру, Жанна, которая, задержавшись на работе, пришла позже всех, и сам гостеприимный хозяин.

– Ну что, может, еще по чуть-чуть? – предложил Олег.

– Я не откажусь. – Жанна потянулась за рюмкой. – У меня завтра с утра съёмок нет, так что могу себе позволить надраться, как пятьдесят семь пантикапейских жрецов на священном празднике Бахуса... Да и устала я сегодня.

Ее округлое лицо и в самом деле осунулось, под глазами залегли голубоватые тени.

– Красно выражаешься, – засмеялся Олег. – А выглядишь еще лучше, – покривил он душой.

– Да уж, – невесело усмехнулась Жанна. – Давайте выпьем, и по домам. Спать пора.

– А кто хотел напиться? – поддел ее Дима.

– Старовата я для таких развлечений, – усмехнулась Жанна.

– Странно слышать это из уст двадцати... ну да ладно.

– Вот именно, – зябко поведя плечами ответила Жанна. – Все-таки кошмарно, когда все вокруг твои ровесники. Совершенно невозможно утаить свой возраст. А на утро есть планы, завтра ко мне приезжает подруга. Ее надо будет встретить.

– Подруга? Из провинции? – заинтересовался Дима. – А хорошенькая?

– Очень. Настоящая красавица.

– Настоящих мало.

– Дим, я сейчас не в силах с тобой дискутировать на тему женской красоты. Давай потом, а?

Она допила вино и встала.

– Я провожу тебя, – сказал Дмитрий и встал. – А то Мелкий уже во весь рот зевает.

– Не стоит, – заметила Жанна, но больше возражать не стала.

Они вместе вышли на улицу. Заметно потеплело, словно ночь укутала и согрела землю.

– Поймать машину? – спросил Лавров.

– Не надо... Я хочу пройтись немного, если уж провожатый нашелся. И так света божьего не вижу.

– Идем.

Разговаривать не хотелось. Жанна чувствовала себя утомленной, а Лавров был удручен перспективой вернуться домой. Искоса он поглядывал на Жанну – может, пригласить ее к себе или к ней напроситься? Не стоит – вон какая усталая! А все равно хорошенькая, смешная, милая Жанна... Многих женщин только и красит сияние молодости, свежей, наивной красоты. Уходят годы – и обаяние тоже уходит, остаются уставшие от жизни тетки. Причем играют ли эти тетки на сцене или латают асфальт, натянув на обширные тела оранжевые жилеты, в глазах у них одинаковое выражение измотанности. Жанна не такая – глаза у нее могут быть усталыми, печальными, какими угодно, – но в них всегда теплится озорной огонек. Он то прячется на самом дне, то кувыркается на поверхности, и тогда нет лица красивее, чем лицо Жанны.

Лавров снова покосился на безмятежный профиль своей спутницы. Тонкий, чуть вздернутый носик, живые карие глаза, яркие губы... Вспоминает ли она хоть иногда о их романе? Таким коротком, но таком насыщенном... Вряд ли кому-нибудь когда-либо удавалось втиснуть в полугодовые отношения целую жизнь, наполненную жаркой влюбленностью, стра-

стью, безумной обоюдной ревностью. Да, слишком много было чувств, слишком ярко вспыхнула их любовь и сгорела, не оставив после себя ни горечи, ни сожалений. Только легкий серый пепел – секс в рамках дружеских отношений.

– Ты все время странно на меня посматриваешь, – подала голос Жанна. – Что-нибудь случилось?

– Не знаю, – вздохнул Дима. Он устал и был слишком расслаблен, чтобы врать. Тем более врать ей. – Представляешь, я сейчас вспоминал то, что было когда-то с нами...

– Да? Странно. Ты часто об этом думаешь?

– В том-то и дело, что нет... В последнее время...

– А знаешь, почему ты вспомнил об этом теперь?

– Почему? – Лавров даже остановился, ему стало интересно, что сейчас выдаст Жанна.

– Лавров, у тебя просто угрызения совести. Мне не хотелось об этом говорить... Мы были вместе, когда Вера погибла. Это ужасно. Но мы это пережили. Я хочу, чтобы ты знал – я тебя люблю. И не жалею ни о чем. Когда мы расстались тогда, когда ты женился – я думала, умру. Теперь у нас есть шанс начать все заново, понимаешь?

Дмитрий стиснул зубы:

– Нет, не понимаю. Пока... Извини. Зачем ты вообще затеяла этот разговор?

Жанна отпустила его руку:

– Лавров, не дуйся. Я дура, Лавров. Просто мне больно видеть, как ты мучаешься. Попробуй отвлечься, влюбиться в кого-нибудь... Ты у нас всегда был донжуаном!

– Представляешь, сегодня со мной чуть было это не случилось. Увидел в метро девушку, и показалась она мне краше ясна солнышка... Даже пошел за ней, а она при свете оказалась таким крокодилом, что боже упаси! Пришлось срочно раскланяться.

Жанна рассмеялась – мелодично и невесело.

– Думаю, ничего страшного. Первый блин всегда комом, а в Москве не перевелись еще девушки, несхожие с крокодилами...

– А что мы остановились? – поинтересовался Дима.

– Так мы же пришли! – снова рассмеялась Жанна.

Они действительно стояли у дома Жанны.

– Извини, зайти не приглашаю. Ужасно устала, хотелось бы сразу лечь...

– Конечно, отдыхай. Мне тоже пора.

Жанна исчезла в подъезде и, остановившись у окна второго этажа, проводила взглядом удаляющуюся в сторону остановки такси фигуру. Чудак – как он обрадовался перемене разговора... И в самом деле, зря она подняла эту тему. Зря. Еще ничего не зажило, ей и самой страшно вспомнить, как разговаривал с ней бодрый и ехидный следователь, как уточнял: состояли в связи? Как часто встречались? Кто их видел в тот вечер? К счастью, запомнила их и продавщица в маленьком магазинчике, у которой покупали вино, и старушка у подъезда... Жаль, что Жанна не нашла в себе сил порвать с Дмитрием тогда. Жаль, что согласилась тянуть невнятную связь. Остались бы друзьями, а теперь – как справиться с общей виной? С этой щемящей жалостью? Жалостью, которую можно хлестать стаканами, плавать в ней и, наконец, утопиться. Но эта жалость, надо признать, – неплохой стимул для творчества, и в качестве модного аксессуара она тоже хороша. Этакий легкий налет мировой скорби.

– Следует оставить мировую скорбь и пойти спать, – сказала себе Жанна, открывая дверь.

Дмитрий доехал до дома на такси. Настроение у него значительно улучшилось, и он сам не мог бы сказать почему. На какой-то момент Лавров вдруг остро осознал, что молод, здоров, богат и свободен и все в жизни у него впереди. Жанна сказала: я тебя люблю. Пусть. Это пройдет. Она просто к нему привязана. В любом случае между ними все кончено. Он

больше не сможет к ней прикоснуться. Между ними встала мертвая Вера. Но в мире еще много девушек!

Да что это он расклеился, в самом-то деле? Или сказывается отсутствие женского общества?

Словно уловив ход мыслей своего пассажира, таксист оглянулся и спросил весело:

– Что это ты один гуляешь? В такую ночь... Тут поблизости знакомые девчонки живут. Могу познакомить, а?

– Да нет, спасибо, – махнул рукой Дмитрий. Потная физиономия таксиста с маленькими сальными глазами и толстыми негроидными губами (к нижней прилип окурочек) не внушала доверия. «Могу себе представить, что там у него за девчонки...»

– Ну, как хочешь, – добродушно подмигнул таксист, и в душе у Димы шевельнулся веселый язычок пламени. А что, может рискнуть? Снять какую-нибудь, почище и помоложе, привезти к себе и провести ночь с живым человеком, а не с ледяным призраком покойной жены... Лавров не знал продажной любви, но сейчас ему захотелось именно этой остроты, этого перчика – незнакомое женское тело, приторные ласки, притворные стоны... Но разве не то же самое с Лизой? Не то же притворство – более или менее искусное? Ради денег или ради положения в обществе?

На этой мысли Лавров запнулся, и настроение у него снова испортилось. «Черт знает что! Так и до шизофрении недалеко! Неужели Вера обо мне точно так же думала? Так же, как я об этих несчастных жертвах общественного темперамента?»

Машина остановилась, Дмитрий расплатился с шофером и вышел. Его охватил привычный уже страх перед ночным одиночеством. Ну ничего, он последует совету Жанны и найдет себе милое и легкомысленное создание.

– С завтрашнего дня примусь за поиски, – твердо сказал Дмитрий и погрозил самому себе пальцем. Этот жест рассмешил его, и смех странно прозвучал в полупустой спальне. А потом Лавров лег и уснул и спал без сновидений.

Глава 5

– Хорошо у тебя, – вздохнула Юля, осматриваясь.

– Ты находишь? Ну, я рада. Держи ключи. Выспись, отдохни и приезжай ко мне. Пообедаем вместе, а потом я тебя кое с кем познакомлю... «Грезы любви» будут снимать, туда требуется массовка...

– Массовка? – поморщилась Юля.

– А ты хотела сразу главную роль? Нет, ты погоди, моя сладкая. Ну, чмоки-чмоки, я пошла.

Дверь за Жанной закрылась, каблуки ее процокали по общему коридору. Подруга уже столько лет в Москве, а осилила купить только комнату в паршивой коммуналке! И ведь довольна жизнью! Оформлено жилище, конечно, оригинально, но уютным его назвать сложно. Да тут просто с ума сойти можно! Красные стены – бр-р! Черный диван, черное трюмо, черный омут большого телевизора. Может, у Жанки с психикой нелады? Для Юли была приготовлена кушетка, на ней лежала стопка белья с красными же иероглифами, банный халат, полотенце... Но ложиться Юля не стала, пошла в ванную.

Кошмар какой! Обшарпанная ванна, какие-то тазы висят на стенах! В раковине сток забили чужие волосы. Как тут можно мыться? Вот он, гламур – показной блеск. В комнатах стильный интерьер, а ванну никто почистить не удосужился.

Все же Юле удалось расслабиться. Она бросила в горячую воду горсть косметической соли с лавандой – тут же, на полке обнаружила. Будем надеяться, она принадлежит Жанне. А нет, так тоже беды не будет. Погрузившись в облупленную ванну, Юля закрыла глаза – и пролежала, постепенно добавляя горячую воду, пока в дверь не начали стучать. Пора вымываться.

Для первого визита Юлька не стала ярко краситься – пусть посмотрят на нее а-ля натюрель, оценят, чего она стоит. Девушка отлично знала все свои достоинства, а недостатков у нее не было. Платье совсем простое, но туфли и сумка – дорогие, хорошие. Капля блеска на губы. У Жанны духи лучше, возьмем Жанкины. Полузакрыв глаза, Юля надела на шею медальон, опустила его в вырез платья, почувствовала успокаивающую тяжесть и привычную уже силу.

Выпорхнула из комнаты. Жанкина соседка, огромная бабища в застиранном фланелевом халате, на кухне резала лук. Юлька поставила чайник, села у окна, закурила. Соседка тут же обернулась к ней, смерила оценивающим взглядом.

– Слышь, угости сигаретой, – не попросила, скомандовала.

Юлька и бровью не повела. Сунула пачку, бабища сосисочными пальцами выцарапала себе тончайшую, душистую палочку «Вог». Юля наблюдала за ней искоса – этому чудовищу казалось не более тридцати лет. Опухшее лицо, химические кудри над складчатым лбом, остатки вишневого лака на грязных ногтях с черной каемкой... Содрогнувшись, Юлька заметила в вырезе грязного халата золотую цепь в палец толщиной, а на кургузой лапе – перстень-чалму. Такой же имелся и у ее собственной матушки, только вот маман, какая ни была неотесанная, сроду не нацепляла на себя золото с утра пораньше...

– Че смотришь? – не выдержала соседка.

– Кольцо у вас красивое, – улыбнулась Юля.

– А-а. Да, богатое. Хахаль подарил. – Бабища растопырила пальцы, демонстрируя щедрый подарок.

Юлька поняла, что сейчас не выдержит – расхохочется, и вылетела из кухни. На волю, на свежий воздух, прочь от всепроникающего лукового чада. Только на улице спохватилась,

что не сняла с плиты чайник. Ну, на то она и коммунальная кухня – та же лапочка-соседка снимет, не переломится.

* * *

– Жанна! Жанка, мать твою! Это кто?

– Автандил Автандилович, это Юля, моя подруга. Она актриса, играла в провинции в театрах.

– Я тебя не спрашиваю, где она играла! Я спрашиваю, кто она такая?

Юля с трудом сдерживала смех. Это ж надо – Автандил да еще Автандилович! Помощник режиссера. Некрасивый. Мелкий, круглый, подпрыгивает на месте, словно ему в туалет охота! И смотрит невзрачными серыми глазками, пламенно смотрит.

– Автандил Автандилович, я не знаю, как вам ответить.

– То-то. Конечно, не знаешь. Молчи тогда, если бог убил! Мадам, как вас зовут? Мэрилин Монро? Лайза Миннелли?

– Юля...

– Ах, просто Юля? А что вы делаете на моей площадке?

– Стою я тут! – неожиданно для себя повысила голос Юля. Не обращая внимания на Жанку, которая побледнела и стала дергать ее за рукав.

– Стоишь? Ути-пусенька какая! А темперамент! А глаза! Просто Юля, хочешь в кино сниматься? А конфетку хочешь?

– Хочу.

– На!

Автандил вытащил из кармана подушечку «Орбита», облепленную пылью и крошками.

– Не конфета, но тоже вкусно. Ешь!

Юля сунула подушечку в рот и принялась жевать. «Орбит» был ягодный, имел вкус прокисшего варенья.

– Спасибо, очень вкусно, – прошамкала она.

– На здоровье! Где эта коза Иничкина? Не пришла? Хрена ей, а не роль! Я ее разлюбил. Я теперь Юлю люблю! А ну, пошла гримироваться! Да выплюнь ты эту дрянь, бога ради! И никогда не жуй – зубки попортишь.

Коза Иничкина занимала роль незначительную, но приятную. Горничная, обремененная какими-то своими сердечными тайнами, выслушивает откровения влюбленной хозяйки. Играть там было нечего. Только глаза пучить, кивать и вздыхать, прижимая руки к груди. Автандилу, в жизни не выдававшему горничных, видно, казалось, что они ведут себя именно так.

– Как все неожиданно получилось, – бормотала Жанна, когда они с Юлей вышли из студии. – Ты везучая! Я тут полгода в помощниках координатора пробегала, пока...

– Кто это – помощник координатора?

– Это тот, кто бегаёт за пивом. Нет, ну надо же! Слушай, обедать некогда. Пошли, пройдемся по магазинам, а потом уж поужинаем, ладно?

Подружки отправились на шопинг, причем Жанна то и дело фыркала и крутила головой, а Юля про себя улыбалась. Да, она такая! Да, ей все удастся! Вот только денег пока нет – не может она купить эту потрясающую блузку. А Жанна может. Плевать.

– А куда мы ужинать пойдем? – спросила Юля.

Вот над этим Жанна сейчас как раз размышляла. Друзья звали ее на ужин. У Ольги сегодня день рождения. Но удобно ли будет привести туда Юльку? Неудобно. Но бросить гостью в день ее приезда – еще хуже. Ладно, пойдем вместе.

– Понимаешь, у моей подруги сегодня день рождения. Так что гуляем! Отправимся в ресторан, поняла? Вот только подарок найдем...

В подарок купили лампу-ночник, очень дорогую и красивую. Обнаженная женщина из матового стекла изгибалась томно, улыбалась загадочно.

* * *

Они сидели в первоклассном итальянском ресторанчике на Чистых прудах, где экзальтированная Ольга решила справить свой день рождения.

– Пожалейте меня, несчастную, – взмолилась она, когда Олег намекнул на празднование. – Не приходите ко мне в гости. Во-первых, я вообще не собиралась отмечать день рождения, будь он неладен. В моем возрасте это уже не праздник. А во-вторых, у меня дома шаром покати. Придется куда-то идти, что-то покупать, потом готовить...

– Что ты, родная! – засмеялся Кирилл. – Разве мы посмели бы тебя так затруднить! Весь мир знает о твоей феерической лени, и мы в том числе, так что... – Кирилл тараторил, боясь, что Ольга в любой момент перебьет его праведным гневом. – Мы решили пригласить тебя в ресторан. За мой счет, разумеется.

– Ценное уточнение, – вздохнула Ольга. – Ладно. Но только вот что – едем в «Роберто».

– Губа у нее не дура, как говаривал мой батюшка, – усмехнулся Кирилл. – Отличное местечко.

– Обожаю морепродукты, – в третий раз заявил Олег, поедая коктейль из креветок. – Нет, а где наши дамы? Лавров, позвони уже Жанне!

– Сам звони. Я ем. И пью. И целую именинницу.

– Не увлекайся, – флегматично посоветовал Кирилл.

– Они, наверное, мне подарок ищут, – мечтательно предположила Оля. – Машину выбирают. Кир, а ты почему не подарил мне машину? Или хотя бы кольца с бриллиантом?

– Прости, любимая, не знал, что ты мечтаешь о машине. А кольцо ты бы сразу расценила как предложение...

– Вот именно!

– Лелька, не заводись. Ешь.

– Да ем, ем...

Осьминог, приготовленный на пару, был обольстителен. Пахло базиликом, ванилью и оливковым маслом. Официантки порхали. Итальянцы за соседним столиком посылали Ольге нежные взгляды.

– А вот и мы!

Олег чуть не подавился креветкой, Лавров откровенно присвистнул, Оля толкнула Кирилла локтем. У столика стояла Жанна, а рядом с ней – необыкновенно красивая девушка.

– Оленька, с днем рождения. Вот тебе от нас подарок, любуйся и будь счастлива. А это моя гостья, актриса, Юлечка. Я вижу, вы все уже поражены ее красотой, так что могу спокойно начать жрать, на меня никто внимания не обратит. Лавров, закрой рот, а то осьминоги убегут...

– Я не ел осьминога, – заметил Дима. – Видишь, на тарелке артишоки. Но теперь, пожалуй, съем. Юля, а вы любите осьминогов?

– Не знаю, – честно призналась Юля. – Наверное, люблю...

– Как бы мне хотелось стать осьминогом! – притворно вздохнул Лавров.

– Только не смейтесь надо мной. Я не знаю, как есть осьминогов. У нас в Чапаевске их не водилось. И артишоки – я их тоже и в глаза-то не видела!

– Юля, я стану вашим гидом по гадам, простите за каламбур. Ничего не бойтесь, осьминог вареный. Садитесь рядом. Вина?

Юля оглянулась на Жанну, изобразив гримасу милого недоумения, и в эту минуту Жанна почувствовала себя плохо – словно безумие на секунду дернуло дверь в ее душе. Но надо было держать лицо, и только через полчаса она нашла возможность встать и отправиться к туалетам. В сверкающей зеркалами и кафелем комнате Крымская дала волю отчаянию.

– Господи, да что же со мной такое? – бормотала она, смахивая слезы со щек. – Ну, не думала же я, что он пойдет в монахи? Не надеялась, что решит все вернуть? Да и не пошла бы я на это, ни за что, никогда... И наверняка были и другие девушки, он упоминал... Лиза там какая-то... И я сама, сама советовала ему влюбиться! А у Юли так все легко получается!

Через некоторое время Жанна пришла в себя. Прерывисто вздохнув, она ополоснула лицо, напудрилась, подкрасила губы. Глаза подозрительно блестели, но следов слез на смугловатой гладкой коже не было видно.

К концу ужина Диме уже казалось, что он давным-давно знает это занятную девушку. Легкое неудобство первых минут рассеялось, теперь они беседовали так, словно были давними друзьями, и Лавров искренне расстроился, когда Жанна бросила взгляд на крошечные наручные часики.

– Ох, как мы засиделись! Нам пора. Мы девушки рабочие, нам завтра с утра на службу. В эту минуту Лавров ненавидел Жанну.

– Может, еще вина? – заторопился Кирилл, косо глянув на друга и оценив его настроение. Он был готов предложить и птичьего молока, лишь бы девушки задержались еще чуть-чуть – благотворное действие Жанкиной подруги на Диму было очевидным.

– Нет, спасибо. Я и так превысила свою норму. А мне завтра рано вставать...

– Я провожу вас, – заявил Дмитрий и подозвал официантку.

Против этого Юля и Жанна возражать не стали.

Глава 6

«Здравствуй, мамуля. У меня все хорошо, даже и писать особо не о чем. Я в театр не устроилась, там все очень мало получают. Зато Жанна действительно помогла, видишь, не обманула. Я снимаюсь в сериале. Теперь станешь смотреть меня по телевизору и всем хвастаться. Вообще все будет хорошо. Зарплата тут большая, я уже купила себе туфли и два платья на лето. Я познакомилась с одним парнем, он очень симпатичный и порядочный, и мне нравится. Но пока между нами еще ничего серьезного не случилось. Вот и все, больше писать нечего. Не болей и не скучай. Твоя дочь Юля».

Юлька задумалась, покусала конец ручки и приписала внизу «целую». Но даже с этим дополнением письмо не потянуло больше чем на полстраницы. Надо было писать поразмашистей. Мало, ну да что ж теперь! И это пришлось из себя выжимать с муками. Но без письма нельзя – а то еще маман затрещит крыльями и поедет в столицу искать пропавшую дочь. Мама на это способна.

Все в письме было правдой. Лавров позвонил Юле на следующий же вечер. Пригласил в кафе. Она не ломалась, не упиралась – просто и весело объяснила, что не может каждый день обедаться, как вчера, предложила выпить где-нибудь кофе. Вечер затянулся – они зачем-то пошли в кино. В конце фильма Юля расплакалась.

– Ты что? – испугался Лавров.

– Это очень хороший фильм, – трогательно шмыгая носом, поведала Юля. – Он мне очень понравился. А тебе?

– Н-не знаю... Наверное, да. Понимаешь, мне фильм показался... чуточку старомодным. Любовь к призраку – эту тему уже сто раз обсосали. А вообще ты права. Есть что-то удивительно трогательное во всех этих фильмах про печальных одиночек, про гуляния по крышам и про бессмертную любовь...

– Я чувствовала, что ты меня поймешь, – виновато шмыгнула носом Юля.

Слезы красили ее. Губы припухли, глаза блестели, тушь слегка размазалась, и вид у девушки стал очень естественный, очень забавный – как будто она только что проснулась.

С тех пор они встречались с Дмитрием почти каждый вечер. Пили кофе, ходили в кино и в театры... Почтили своим присутствием даже «Геликон-оперу». Юля резко осудила поведение леди Макбет Мценского уезда и посочувствовала мадам Баттерфляй. Девушка оказалась необыкновенной. Она была наивной, и умненькой, и яркой, и спокойной, и на дне ее души – казалось Лаврову – он видел собственное отражение.

И вот еще что. Об этих встречах никто не знал. Обаяние тайных свиданий, назначаемых в маленьких кофейнях, короткие рукопожатия над тирамису... А поцелуев не было. Как-то не доходило до них. И это Лаврову тоже нравилось! Он не был озабоченным, он ценил и любил то, что происходит между мужчиной и женщиной, но не мог не признать себе в том, что этот сакральный акт за последние годы как-то... скажем, обесценился. Плотская любовь стала не только результатом непреодолимого влечения, а способом выразить дружбу, признательность, благодарность, симпатию. А у него вот как раз и было непреодолимое влечение, его неудержимо тянуло к Юле! И он ведь намеревался, предполагал и собирался, он ждал – придет вечер, наступит удобный момент, и он поцелует ее, а дальше все случится, как это и бывает между мужчиной и женщиной...

Но наступал тот самый «удобный» момент, а Дима мог только смотреть на Юлю, позволяя себе те маленькие знаки внимания, что отвоевал в безмолвной борьбе, – брать ее за руку, целовать эту тонкую, полупрозрачную кисть, время от времени – случайное прикос-

новение, тактильный знак внимания! – дотрагивался до ее плеча, до талии, до волос. И эти легкие касания, которых девушка, скорее всего, даже и не замечала, горели в его крови каждой ночью, заставляли ворочаться с боку на бок, сменяя простыни, и повторялись в бредовом полусне.

Но на самом деле то, что представлялось Дмитрию наваждением, являлось тонкой и умелой игрой. Игра на грани наваждения – вот как можно это было назвать, потому что все в ней основывалось на женской интуиции, на тончайшем чутье. Что сказать в ту или иную минуту? В ответ на какую шутку свойски улыбнуться, а на какую – промолчать, потупившись, покраснеть самой и вогнать в краску неудачливого шутника? Когда выглядеть обиженной, испуганной, загадочной, веселой, печальной, ироничной, бесшабашной? Влюбленной, наконец?

– Ну ты даешь, Юлька, – говорила Жанна. – Где пропадаешь-то вечерами? Нашла кого-нибудь?

– Пока не знаю, – опускала ресницы Юля. – Если что-то серьезное будет – обещаю, ты узнаешь про это первой.

Своих истинных чувств Юля не хотела обнаруживать даже перед единственной подругой. Один раз раскроешься, другой – а там, пожалуй, войдет в привычку, и сядешь в галошу. А это не лучшее место для серьезных девушек!..

На самом деле ситуация внушала ей нешуточные опасения. Игра затянулась. Юля слишком переборщила с имиджем неприступной крепости. Со дня на день жертва могла либо почувствовать утомление девушки от взятой на себя роли и пойти на приступ, превратившись в охотника, либо, убедившись в неприступности штурмуемой башни, повернуться и уйти, найти себе кого-нибудь поговорчивей. Этого допустить было нельзя.

«Он на мне женится, – шептала Юля, когда оставалась в одиночестве. – Я не могу его упустить, не могу его потерять. То, что я нашла его, встретила, то, что он обратил внимание именно на меня, когда вокруг полно смазливых барышень, – это чудо. Это настоящее чудо, Господи, спасибо тебе! И если я прощелкаю – жизнь просто кончится. Но что ж я могу сделать? Как? Пусть он только не слишком боится брака, пусть мне только удастся довести его до алтаря, а там...»

И она поднесла к губам тяжелый золотой медальон. От дыхания металл чуть затуманился, но потом вспыхнул еще ярче. Маленький рубин, глаз воркующего голубя, горел как настоящий, налитой кровью яростный глаз.

Дмитрий боялся пресловутых брачных уз не больше и не меньше, чем любой другой мужчина. На него не лег отпечаток первого неудачного брака – тем более что неудачным его можно было назвать только для покойной супруги. Лаврову в результате досталось неплохое наследство. Но дело было даже не в этом. Теперь, вспоминая о Вере, о требовательной, жесткой, но наедине с ним нервной и плаксивой Вере, Дима не думал о ней как о жене и о женщине. В блеске Юлиной красоты и обаяния те чувства – если они и были когда-нибудь – выцвели, померкли, оказались пересмотрены и отвергнуты, как плохо снятый фильм, как бездарная повесть. И в эту же корзину полетели и жалость, и вина, и надежда на прощение – все, чем так мучительно и так прекрасно бывает человеческое бытие...

Лавров неоднократно пытался подарить что-нибудь своей возлюбленной. Он знал, как скуден ее быт, знал, что она живет с Жанной в коммунальной квартире, питается бог ведает как... То, что Юля не так давно заключила выгодный для себя контракт, Диме в голову не приходило. То и дело он покупал какую-нибудь вещицу, которая, по его мнению, была достойна Юли, и все эти вещицы она неуклонно возвращала ему с изъятиями глубокой

признательности, но без объяснения причин отказа. Только один раз эта непонятная девушка снизошла до того, что пояснила: мол, не пристало молодой девице, волей судеб заброшенной в чужой столичный город, принимать от мужчины такие дорогие подарки. Конечно, выразилась Юля не столь напыщенно, но в ушах Дмитрия, которого умилила и поразила такая старомодная воспитанность, это заявление прозвучало именно так. Если бы он знал, сколько сил стоило Юле не закончить свою тронную речь словами: «если он ей не родственник и не жених...» Это было бы прямым намеком, после этого Дмитрий наверняка бы сделал ей предложение, но она боялась спугнуть жертву.

Кое-что Юля все же взяла – зонтик, который Дмитрий купил ей, когда во время прогулки пошел дождь. Зонт был дорогой, от английской фирмы, и Димка, заскочив из кафе, где они надеялись переждать непогоду, в шикарный бутик, понадеялся, что ему удастся выдать покупку за грошовую турецкую подделку. Номер удался – когда после театра Юля стала возвращать ему зонт, он замахал руками, заявил, что женский зонтик ему не нужен, что она, конечно же, может оставить себе эту ерунду без ущерба для самолюбия... Посмеиваясь в душе над этими забавными ухищрениями, Юля рассыпалась в благодарностях, словно ей подарили дачу на Лазурном Берегу.

А как-то, застряв в одной из московских пробок, Дима заметил в толпе хрупкую фигурку своей возлюбленной. Первым побуждением было окликнуть девушку, но Лаврова заинтересовало ее поведение. Она стояла среди идущих людей, на узком тротуаре, замерев в молитвенном экстазе и не замечая толкающих ее бронированных плеч. Расширив глаза, сложив руки – ладонь к ладони, смотрела на витрину элитного ювелирного магазина.

Это умилило и потрясло Дмитрия. Едва совладав с нахлынувшими эмоциями, он нашел в себе силы не окликнуть Юлию. Она такая же, как все женщины! Ей нравятся драгоценные безделушки, она смотрит на них с воодушевлением и готова в эту минуту на все, лишь бы стать владелицей приглянувшейся вещицы! И как просто и мило в ней все – ее поза, ее взгляд, ее детский восторг! Он сегодня же вечером подарит ей что-нибудь. Преподнесет какой-нибудь ошеломляющий сюрприз, что-нибудь, что ослепило и пленило бы ее, перед чем бы она замерла в том же молитвенном экстазе, в каком стояла только что перед витриной.

Первая гроза грянула в городе как-то случайно, ненароком. (А Дмитрий снова вспомнил про зонтик!) Никто ее не ждал, кроме разве что скворцов, да и те смолкли, прекратив бесконечные свои радостные скандалы, лишь за какой-нибудь час до решительной небесной перемены. Сначала синее небо потеряло насыщенность цвета, потом и вовсе показалось бесцветным, как иногда бывает летом перед ненастьем, а после... Грозовая туча, посверкивая, будто хвастаясь, молниями, надвигалась с юго-запада, «из гнилого угла», как успела заметить хранительница подъезда и берегиня всех местных кошек – баба Валя. «Из гнилого...» – повторила она, удостоверившись, прежде чем закрыть за собой дверь, что все ее любимицы и любимцы попрятались и не высунулись ли из какой-нибудь щели или тайного лаза чьи-то слишком уж любопытные усы.

Тем временем крупные капли дождя уже отплясывали на асфальтовых танцполах, устраивали спринтерские забеги, наперебой рассказывали о чем-то и никуда не стучались, потому что им и здесь было вольготно.

Запоздавшая модница все выше и выше поднимала и без того коротенькую юбочку, перепрыгивая через вмиг разлившиеся лужи. По их взъерошенной ветром поверхности важно проплыло несколько пузырей. Пузыри крепились, держались, кружились и лопались от смеха.

Гроза-почтальонка спешила вручить горожанам свои первые в этом году телеграммы...

Только добравшись под вечер до ювелирного магазина на Кутузовском и войдя в недружелюбный кондиционируемый салон, где в ярко освещенных витринах дремали, словно музейные экспонаты, драгоценности, Лавров вдруг мучительно понял – ничего не изменилось оттого, что он видел Юлю у витрины, она не примет подарка, каким бы красивым и дорогим он ни был! А какие замечательные вещи лежали на прилавке! Как бы ей пошли вот эти серьги из белого золота, с жемчужными подвесками...

Разочарованно Дмитрий скользил глазами по прилавку, но продавец, импозантный молодой человек, похожий на молодого Дастина Хоффмана, уже заметил потенциального покупателя. Он некоторое время следил за передвижениями Димы по залу, потом подошел к нему и, перегнувшись через прилавок, сообщил именно таким тоном, каким скупщики краденого в авантюрных сериалах предлагают приобрести драгоценности:

– Посмотрите, вот настоящая вещь.

Лавров посмотрел. Вкус не подвел хоффманобразного юношу. Это было произведение искусства – одна из тех простых и утонченных вещей, что достойны сверкать даже на английской королеве. Каплевидный камень бархатно-голубого цвета был оправлен в белое золото и обрамлен крошечными бриллиантами.

– Это сапфир?

– Это турмалин. Настоящий мадагаскарский турмалин. Очень редкого окраса. Видите, какой глубокий и ровный цвет?

Феерическая цена кольца даже обрадовала Лаврова. Юля может принять это кольцо. Она девушка. Она должна любить драгоценности. Она любит драгоценности. Если не возьмет – Лавров оставит кольцо себе. И если все обманет его, чем бредит он этой холодной весной, – пусть синий турмалин с загадочного, неведомого острова Мадагаскар останется, пусть запомнит все и спрячет в своей холодной глубине... А не махнуть ли на Мадагаскар, в самом деле? Чего лучше? А вот что: сделать Юле предложение. Как в дурацких американских фильмах. Встав на колени и протянув коробочку с кольцом. И вся недолга.

– Руку и сердце, – пробормотал Дмитрий расхожие слова.

И остановился, словно пораженный громом. Не тем ли самым, что грохотал недавно над его головой? Расхожие слова... Но не бывает расхожих слов в этом мире, который со слова-то и начался! Лаврову показалось, что разряд огромной силы ударил ему в макушку и прошел тело до пят. Как же он раньше не... И в ту же минуту Дима припомнил, как однажды разговаривал с одним из своих приятелей, который жаловался на испортившиеся отношения с девушкой. Она то и дело взбрыкивала, заявляя, что он не любит и не ценит ее. Приятель любил свою девушку, они жили вместе и собирались пожениться, когда он получит повышение.

– Я выбиваюсь из сил в постели, я каждый день дарю ей какую-нибудь милую безделушку – цветы, или фрукты, или цапку. А она только и делает, что фыркает, и я чувствую, скоро дойдет дело до фраз типа: «все мужики – козлы» и «мама была права».

– А ты предлагал ей выйти за тебя замуж? – поинтересовался Дмитрий.

– Но ведь мы договорились расписаться, когда я получу это место.

– Это ничего не значит, милый мой. Вот тебе мой совет: говори ей каждый день, что горишь желанием назвать ее своей женой, что вы поженитесь, даже если небо обрушится на землю и все ЗАГСы будут закрыты по поводу конца света. Повторяй, что вы будете вместе. Для женщины это самое лучшее.

– Ты думаешь? – с сомнением переспросил приятель. На этом разговор закончился, а через месяц этот парень выставил две бутылки французского коньяку.

Вот оно, вот оно, решение! Что ж он тогда был такой умный, а теперь резко поглупел? Господи, как все легко оказалось! Надо просто сделать Юле предложение! Даже если она не

согласится, то она поймет, что Лавров по-настоящему любит ее и предан ей! Надо же быть таким идиотом! Но... Она наверняка не откажет!

Прохожие на Кутузовском с удивлением оглядывались на хорошо одетого молодого человека, который двигался вприпрыжку, что-то бормоча под нос и время от времени вскрикивая. Наконец забавный чудак успокоился, сел за руль белой «Мазды» и умчался.

Глава 7

– А ты не смейся, не смейся, – запальчиво говорила Юля. – Сейчас так много снимается российских блокбастеров...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.